

ДАВИД ПИНЕДА

Морфология говоров Терского берега Белого моря

В этой статье представлены предварительные результаты исследования морфологии говора двух деревень Терского берега Белого моря – Варзуги и Умбы. Исследование проводилось на материале, собранном в полевых условиях в августе 2001 г. (подробнее об этой экспедиции см. статью Т. Лённгрен в этом сборнике). Несмотря на то, что Терский берег был предметом внимания исследователей, говоры этих территорий можно считать малоизученными. Так, например, в сказках, записанных и опубликованных в работе «Сказки Терского берега Белого моря»¹ диалектные черты не передаются.

С 1958 по 1967 гг. И. С. Меркурьев провел несколько диалектологических экспедиций на Терский берег. Он побывал в большинстве населенных пунктов берега, и в тех, которые сегодня являются нежилыми, как напр. Порья-Губа и Поной. Результаты этих экспедиций были опубликованы в его работе «Живая речь Кольских поморов»². И. С. Меркурьев представляет словарный запас говора; кроме того, он дает несколько диалектных текстов. В предисловии перечислены наиболее очевидные морфологические черты Терских говоров. На эти черты будем в дальнейшем обращать внимание.

Результаты экспедиции

В основном наш материал был собран в Варзуге. В этой деревне мы познакомились с коренными жителями, носителями местного говора. Все информанты являются представителями старшего поколения. Молодежь почти не говорит на диалекте, поэтому в речи молодых встречается меньше диалектных особенностей. У них

---

¹ Сказки Терского берега Белого моря. Изд. подготовил Д. М. Балашов. Ленинград 1970.

² Меркурьев И. С. Живая речь Кольских поморов. Мурманск 1979.

мы слышали мало примеров оканья. Что касается морфологии и синтаксиса, то возможно, что и у них сохранились в какой-то степени некоторые менее яркие черты, как П. пад. муж. р. на *-и* и употребление частицы *дак*. Все это нуждается в дальнейшем исследовании, как и проблема взаимоотношений между говорами Варзуги и Умбы³.

В наших записях, сделанных в названных деревнях, мы встретили ряд диалектных черт, которые сопоставим в этой статье с указанным выше описанием И. С. Меркурьева.

Существительное

По данным И. С. Меркурьева, существительные I склонения совпадают по форме в Р., Д. и П. пад. ед. числа, что полностью соответствует нашим данным. Поскольку почти у всех информантов оканье и еканье уже не полные, у существительных женского рода с неударным мягким окончанием не всегда ясно, окончание ли в этом падеже результат редукции *и* или *е*, так как встречается звук [ь]. С другой стороны, бывают и случаи, когда четко различаются *и* и *е*, например, если информант употребляет слово с ударным окончанием *-и́* в Р. Д. П. пад., например *на то́ни́*. Кроме того, у слов с твердой основой выступает окончание *-ы*. Отсутствие смягчения основой в Д./П. пад. показывает на это окончание.

В записях встретились высокочастотные (и важные для быта жителей) слова *то́ня́*, *река́*, *сторонá* (река Варзуга разделяет деревню на «Никольскую» и «Успенскую» стороны). Рядом с окончанием литературного языка (= ЛЯ) *-é* в этих словах очень часто употребляется окончание *-и́* в Д. и П. пад.:

Д.:	к реки́
	по реки́
П.:	на то́ни́

---

³ Другая проблема состоит в том, что даже те немногочисленные носители говора из Умбы, которых нам удалось встретить, не все из самой Умбы: одна информантка, например, родилась в соседней деревне Оленица.

У слов с твердой основой:

Д.: к Любы
 П.: на той стороны
       в Умбы
       в друго́й брига́ды

У существительных II склонения в говоре употребляются шире, чем в ЛЯ. Р. и П. пад. на -у. По поводу этого явления трудно делать убедительные выводы. Из нашего материала ясно, что существуют эти формы на -у, и что по крайней мере некоторые из них являются нестандартными. Из примеров Р. пад. можно назвать:

сто́лько бы́ло за́паху
 мо́жно всё из ле́су надел́ать
 полстока́ну
 до э́того до́му
 без про́маху
 запрету́ не́ был
 по́лно льну

Из Умбы: *до ...-го году*

Был найден только один пример типичного употребления П. пад. на -у: *на ручью́*.

В общем можно сказать, что оба падежа на -у вполне живы в говоре, также в случаях, общих с нормой ЛЯ: *на бору́; в э́том-то году́; мно́го наро́ду; песку́ привёз; сне́гу не́ было*.

Наличие П. пад. на -и у существительных I склонения не всегда легко установить, так как в неударной позиции *и* и *е* не всегда четко различаются. Только под ударением эти фонемы слышатся отчетливо: мы в своих материалах встретили форму *конц'и́*. В незаписанном разговоре мы тоже слышали форму *маяки́*. Без ударения встретилась форма *Усьи* (к топониму *Усьё* – «Устье Варзуги»).

Согласно И. С. Меркурьеву, в говоре кольских поморов часто отсутствует сегмент -ен- у существительных среднего рода типа *время*. В наших записях таких форм нет: *вре́мени* является нормальным Р./Д./П. пад. слова *время*. Форму Д. пад. *вре́мю* мы пока

не встретили. Возможно, что эта форма информантам кажется «слишком диалектной».

В говоре окончание мн.ч. на *-а* более распространено, чем в ЛЯ. В записях мы встречали разные примеры этой диалектической черты: *неводá*; *карбасá*; *ботá*; в Умбе также *мостá*. Интересно, что первые три примера касаются существительных, обозначающих предметы профессиональной жизни. По данным справочников по стилистике⁴, нестандартное окончание на *-а* нередко выступает в речи профессионалов (ср. профессиональную форму мн.ч. типа *слесаря*). Для слова «ветер» встретилось также *ветрá*, которое считается общерусско-просторечным.

С другой стороны, существует колебание между литературными *шаферá* и *шаферы*. Что касается более широкого, чем в ЛЯ, распространения окончаний Р. пад. *-ов* и *-ей* (типа *солдатов*, *богачов*, *пальце́й*), мы нашли пока лишь один пример: *озёров*. Кроме того, обычная форма Р. пад. мн.ч. слова «год» была *годóв*, и после числительных.

С другой стороны, в Т. пад. мн.ч. мы часто встречаем нелитературные окончания: *-ама*, *-амы*. В наших материалах нет упомянутой И. С. Меркурьевым формы *-ам*. Что касается форм *-ама* и *-амы*, то обе встречаются. Различать их в неударной позиции не всегда легко, но есть яркие примеры обеих: у местоимений, числительных: *с мо́йма*; *с íма*; *с пяти́мы*; *за свои́ма*; у существительных, прилагательных: *ста́рыма материáлама*; *с лопа́тама*; *между ка́жньма/мы ? кола́ма/мы ?*; *топора́ма*; *за я́годама*; *с харáктерама*; *с таки́ма*; *за гриба́ма*; *с банта́ма*. Как видно, формы на *-ма* распространены как у прилагательных и местоимений, так и у существительных. Кроме окончаний *-ма* и *-мы* встретилось и литературное окончание *-ми*: *людьми́*; *детя́ми*; *рука́ми*. Но можно сказать, что *-ма* и *-мы*, как диалектная черта, хорошо сохранилась у представителей старшего поколения.

---

⁴ См., например, Розенталь Д. Е. и др. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М. 1998.

Прилагательное и местоимение

И. С. Меркурьев называет еще одну особенность в морфологии прилагательного: существование окончания *-ой* в И. пад. муж. р. и в неударной позиции: В собранном материале пока не встретилось чётких примеров этого явления, даже у информантов с ярким оканьем в заударной позиции. Что касается Р. пад. муж. и сред. р. прилагательных и местоимений, то встретилось не очень много примеров произношения этого окончания, <ого/его>, со взрывным согласным: в собранном материале есть разные примеры такого произношения: *одно[ɣ]о́*. В Умбе мы слышали еще *пéр-во[ɣ]о*. Однако в большинстве случаев произносится [в].

У личного местоимения встречается другое интересное явление, упомянутое в работе И. С. Меркурьева: форма *ей* в косвенных падежах местоимения третьего лица жен. р. Эта форма встречается часто в материалах; она, кажется, очень распространена в Р. и В. пад.; Р. пад.: *у ней*; *у ей*; В. пад.: *собира́шь ей*; *ей на́до посади́ть* (о картошке).

Интересен тот факт, что у местоимений третьего лица в косвенных падежах после предлога часто отсутствует протетический *н* ЛЯ: *у ей*; *у егó*; *с им*; *с íма*. Во мн.ч. упомянуто существование трех форм личного местоимения третьего лица: *онé*, *оньí*, *онí*. Из этих трех форм в нашем материале отсутствуют примеры формы *оньí*. С другой стороны, есть много примеров формы *онé*.

Глагол

На уровне морфологии глагола можно обратить внимание на категорию I спряжения, с основой на *ɣ*, *к*, и *у* которых в настоящем времени в ЛЯ эти звуки чередуются с шипящими. Формы инфинитива с древним суффиксом *чи/ци*, которые приводит И. С. Меркурьев, не встретились в нашем материале. Формы настоящего времени без упомянутого чередования отмечены неоднократно. Первыми формами в разговоре часто были *печёт*, *течёт* (с чередованием заднеязычного-шипящего). Только отвечая на более конкретные вопросы, напр. о разных частях русской печи, информанты употребляли формы типа *пекёт*, то есть с чередованием твердых и мягких заднеязычных. Возможно, что эти формы

считаются слишком маркированными в обычном разговоре (ср. сказанное выше о формах типа *время* в Р. пад.), и главным образом употребляются в контексте деревенского повседневного быта.

Другие морфологические явления

Есть еще ряд диалектных особенностей, которые И. С. Меркурьев приводит как другие категории, напр. фонологию и синтаксис. Некоторые из них мы включаем в перечень морфологических черт говора, поскольку они, по нашему мнению, тесно связаны с морфологией.

Одно из этих явлений – стяжение гласных после выпадения звука «йот». Эта особенность влияет на глагол, прежде всего на формы настоящего времени I спряжения. В собранном материале много примеров типа *схва́тыват*; *начина́т*; *разрыва́ш*; *темне́т*. Очень много примеров касается прилагательных: *пя́та*; *перёдня*; *шестá*; *хоря́шу*; *другу́*; *друго́*; *таки́*.

В этом говоре широко распространены постпозитивные частицы *-тол/-тал/-отл/-тыл/-те*: в записанных текстах частица *-тол/-тал/-отл/-тъ* достигает высокой частоты: *но́гу-то*; *бе́дны-тъ*; *шафера́-та*; *ягель-от*. Формы *-ты* и *-те* в нашем материале не встретились. Предметом для дальнейшего изучения является возможная закономерность в употреблении разных вариантов этой частицы.

Последняя из особенностей морфологии этого говора касается выражения сказуемого деепричастием на *-вши* [-*фши*]: в наших материалах примеры такой конструкции пока не встретились.

Кроме этих явлений, упомянутых в работе И. С. Меркурьева, мы также встретили формы указательного местоимения с начальным «йот»: *јэ́тот*; *јэ́ти*; *јэ́тим*.

В спряжении глаголов надо отметить ударное окончание *-те́* в императиве 2-го лица мн.ч.: *пойди́те́*.

Сравнение с архангельскими говорами

Поскольку Терский говор входит в Поморскую группу Севернорусского наречия, интересно сравнивать выделенные нами черты говора Варзуги и Умбы с описанием морфологии диалектов близ-

кой по местонахождению и культуре Архангельской области, представленным О. Г. Гецовой в ее работе⁵. Из общеархангельских черт, она упоминает некоторые особенности, соответствующие чертам нашего говора.

На уровне морфологии глагола автор называет отсутствие чередования заднеязычных согласных с шипящими типа *пекёт, текёт*. О. Г. Гецова также упоминает форму 2-ого лица мн.ч. глагола с ударным *-тё*. В Варзуге мы только слышали эту форму в императиве, что может объясняться, скорее всего, редкостью форм 2-ого лица мн.ч. в монологах информантов. На уровне морфологии как глагола, так и прилагательного можно назвать формы со стяженными гласными (после выпадения звука «йот»).

Что касается особенных черт прилагательных и местоимений, то можно указать на возможность произношения <г> как взрывного [г] и фрикативного [γ]. В архангельских говорах обе формы возникают как варианты литературного [г]. В нашем материале мы только встретили некоторые случаи произношения <г> как взрывного [г]. Форма В. пад. личного местоимения третьего лица жен. р. является *ей* (реже *ней*). В говоре д. Варзуги форма *ней* употребляется только после предлогов.

Интересен тоже Т. пад. мн.ч. на *-ма*: в североархангельских говорах это окончание встречается только у числительных и местоимений, в южноархангельских говорах, как и в Варзуге, эта форма употребляется также у прилагательных и существительных.

Архангельские постпозитивные частицы *-ом/-мом/-мал/-ты* не чужды говорам Терского берега. Разница в том, что в нашем материале нет примеров формы *-ты*.

О. Г. Гецова называет еще несколько черт, не характерных для всей архангельской области. Из них следует назвать П. пад. муж. и сред. рода, который в северо-восточных говорах имеет

---

⁵ Гецова О. Г. Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика // Вопросы русского языкознания. Выпуск VII: Русские диалекты: история и современность. М. 1997.

окончание *-и*. В нашем материале эта форма пока только встречается у существительных мужского рода.

По данным автора, общая форма Р./Д./П. пад. на *-ы/и* у существительных II склонения встречается на территории Архангельской области только на севере.

Интересно здесь, что последние две черты объединяют Варзугский говор с североархангельскими говорами, между тем как употребления суффикса Т. пад. мн.ч. *-ма* у существительных – общая черта с южноархангельскими диалектами.

Выводы

Перечисленные результаты дают общую картину диалектных особенностей говоров дд. Варзуги и Умбы. Собрание большего количества записей диалектной речи может еще уточнить и дополнить данный перечень. Не все черты, которые упоминает И. С. Меркурьев, встретились в нашем материале. Ясно, что остались еще «белые пятна» в наших записях. Ясно также, что есть черты диалектной речи, которые очень распространены среди старшего поколения и сейчас, как, например, окончание Т. пад. мн.ч. *-ама*, и совпадение Р./Д./П. пад. существительных II склонения. Есть даже немногие черты, свойственные и речи младших поколений: употребление частицы *-то/-та*, частицы *дак*. Возможно, что другие диалектные черты исчезли вместе со старшими поколениями носителей говора. Есть и такие явления, которые встречались редко, причем только в разговоре о местных реалиях (как в случае формы *пекёт*, которую мы слышали при постановке более точного вопроса о печи). Другие формы употребляются как о понятиях, важных для местного жития-бытия (*в реки́, на тони́*), так и о более общих явлениях (*в бригады́, к сва́дьбы*).

При дальнейшем исследовании этих говоров необходимо уточнить отношения между говорами д. Варзуги и д. Умбы: большинство наших информантов – жители д. Варзуги. Если будет собрано больше данных в Умбе, можно будет установить различия и общие черты этих диалектов. Еще более интересно могло бы быть включение в исследование и данных из других деревень Тер-

ского берега: Кузомени, Чапомы, Чаванги, Оленицы или Пялицы. В этих труднодоступных, изолированных населенных пунктах жителей, наверное, скоро не станет, так как молодежь покидает их.

Кроме того, важно выяснить отношения Терского говора и говоров Карелии: мы в этой статье обратили внимание на архангельские говоры, но интересно было бы привлечь данные, опубликованные о морфологии русских говоров Карелии.

Видимо, во время следующей экспедиции отношения с информантами будут более свободными. Присутствие группы незнакомых, притом ученых и городских, может привести к напряженному разговору и отсутствию тех морфологических особенностей, которые обычно считаются «слишком диалектными». При более близком знакомстве этот «стыд» за формы диалектной речи перед незнакомыми из города мог бы быть намного меньшим, а собранный материал – намного качественнее.

Summary: Morphology of the Dialects of the Ter Coast of the White Sea

The present article gives an overview of the morphological characteristics of the dialect of two villages on the Ter Coast of the Kola Peninsula, Varzuga and Umba. This topic has not previously been studied thoroughly. Features of this dialect are compared to those known in Arkhangelsk dialects.

Salient details in the dialects of the two villages are: the common form for genitive, dative and prepositional cases of class II nouns: *-y/-i*; the use of the endings *-mal/-my* in the instrumental plural; the contraction of vowels in verbs and adjectives due to the loss of intervocalic [j]; the use of the postpositional particle *-to/ta/ot*. Some of the features are rare, for instance, present forms of verbs with a velar stem without the *k/č* and *g/ž* shifts (*pečet-peket*).

E-mail: dpineda_dijkerman@hotmail.com